

Эволюция категории добросовестности в римском частном праве

Аннотация: в статье рассматривается зарождение и развитие одной из центральных категорий римского частного права – принципа добросовестности. Анализируются изменения в содержании данной категории. Отдельно уделяется внимание разделению нравственно-этической категории добросовестности (*fides*) и ее юридического проявления (*bona fides*). Делается вывод о необходимости соблюдения принципа историзма при обращении к римскому осмыслению категории добросовестности, а также о значимости для российской цивилистики выявления понимания добросовестного, сложившегося в современном обществе.

Ключевые слова: римское частное право, категория добросовестности, принцип добросовестности, добросовестное поведение, *fides*, *bona fides*.

Abstract: the article covers the emergence and development of one of the central categories of Roman private law - the principle of good faith. Changes in the content of this category are analyzed. Special attention is paid to the division of the moral-ethical category of good faith (*fides*) and its legal manifestation (*bona fides*). The conclusion is drawn about the necessity of observing the principle of historicism when referring to the Roman understanding of the category of good faith, as well as the importance for Russian civil law doctrine of identifying the understanding of good faith that has developed in modern society.

Key words: Roman private law, category of good faith, principle of good faith, good faith behavior (conduct), *fides*, *bona fides*.

В науке гражданского права существует традиция обращаться к положениям римского частного права в целях установления сущности современных правовых категорий, дошедших до нас со времен Рима. Такой метод, получивший в науке название вертикальной компаративистики¹, действительно, позволяет осуществить наиболее полный анализ частноправовых конструкторов. Во-первых, правовая система РФ является неотъемлемой частью западноевропейской правовой традиции, сложившейся на основе римского права. Во-вторых, именно погружение в историю права актуализирует прошлое, соединяет правовую мысль времен ушедших и времен настоящих, приближает исследователя к истинному пониманию правовых явлений². По мнению Д.В. Дождева, «римское право сегодня — это неотъемлемая методологическая база профессионального юридического образования, основа для понимания центральных отраслей частного права и сравнительного правоведения, дидактическое поле для становления юридического языка и юридического мышления»³.

Однако исследователю, обратившему свой взор на римское право, необходимо учитывать требования принципа историзма и аккуратно

¹ См., например, Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Т. I. Основы: Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 20; Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения. М.: ООО «Городец-издат», 2002. С. 54; Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учебник для вузов. Одесса-Москва: Транслит., 2008. С. 26.

² Марченко М.Н. Указ. соч. С. 54.

³ Дождев, Д. В. Римское частное право : учебник / Д.В. Дождев ; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 19.

подходить к вычленению сущностных характеристик древнеримских правовых институтов. Римское право за свою более чем тысячелетнюю историю изменялось, развивалось и даже деградировало. Менялись формы правления и территориального устройства римского государства, усложнялись общественные отношения. Римское общество, стараясь отвечать вызовам времени, отвергало старые и учреждало новые социальные институты. Неудивительно, что в течение такого значительного периода право не раз подверглось не только формальным, но и содержательным, структурным изменениям. Особенно чувствительными к изменениям такого рода были правовые категории, наполненные не столько юридическим, сколько морально-этическим, общечеловеческим содержанием. Принцип добросовестности, на наш взгляд, является одним из наиболее ярких примеров подобного рода.

Принцип добросовестности был введен в современное российское гражданское законодательство с принятием Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ и сразу же вызвал многочисленные споры в научной среде, не утихающие до сих пор. Следует отметить, что категория добросовестности являлась предметом обсуждений и до своего закрепления в п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Российские цивилисты 1990-х – начала 2000-х гг., столкнувшись с кризисом частноправовой мысли, вызванным сложившимся в советской юридической науке специфическим отношением к частному праву, были вынуждены обращаться к классикам российской и зарубежной цивилистики, к римскому праву. Так, в 2006 г. в Вестнике гражданского права была переиздана статья И. Б. Новицкого «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права», которая является бриллиантом юридической мысли. В этой статье классик отечественной цивилистики справедливо отмечает: «добрая совесть в качестве внешнего мерила в принципе не есть новшество современного законодательства, это развитие старой идеи, небезызвестной еще римским юристам».⁵ Далее в этой работе подчеркивается, что в римском праве судьям рекомендовалось «разбирать дело *ex fide bona*, а участникам гражданского оборота определять и строить свои взаимные отношения так, как принято среди честных, добропорядочных людей»⁶. Этот тезис отражен и во многих работах современных

⁴ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

⁵ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 1. С. 125.

⁶ Там же.

исследователей. Тем самым подтверждается идея, что для установления содержания принципа добросовестности и добросовестного поведения необходимо обратиться к римскому пониманию этих явлений⁷. Однако ответ на вопрос, что считали современники на разных этапах существования комплекса правовых предписаний, традиционно носящих обобщенное название «римское право», поведением честных, добропорядочных, добросовестных людей, в современной отечественной цивилистике до настоящего момента окончательно не сформулирован.

Не оспаривая важности обращения к римскому праву, данная работа будет посвящена развитию римского общества и ставшей его следствием эволюции понятия добросовестности, изменению содержания данной категории, а равно ответу на вопрос, какого понимания «добросовестного» современные юристы могут придерживаться.

Ab ovo, необходимо определить истоки принципа добросовестности в римском праве. Исторической предтечей добросовестности (*bona fides*) являлась сложившаяся еще в архаический период развития римского права (753 – 367 гг. до н.э.) категория *fides* (лат. вера, доверие, честь)⁸. Однако для установления полного значения этой категории нужно обратиться к особенностям устройства римского общества и права в указанное время.

Римское общество царского периода представляло собой замкнутую общину, состоящую из совокупности естественно сложившихся родов (изначально – 100, после латино-сабино-этрuscoго синойкизма – порядка 300)⁹. Замкнутость римского общежития обусловила формирование коллективизма в социальном (в общем) и правовом (в частности) сознании римлян. Происходило оформление римской общины, основанной на коллективности собственности, общности религиозного культа, осознании общего происхождения. Данный коллектив мыслился как определенный союз, семейный организм, а верность такому союзу носила наименование *fides*¹⁰. Таким образом, содержательно *fides* (в самом широком смысле) понималось жителями Рима как осознание своей причастности к собственному народу, как члена семьи к *familia*, а также преданность общине и приверженность ее традициям.

⁷ См., например, Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bonafides* (добрая совесть) в римском частном праве // *Lex Russica*. 2015. №1. С. 132-133; Цакоева М.А. Эволюция принципа добросовестности в обязательственном праве // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. 2015. №2 (186). С. 119.; Зулфалиева В.Г., Фирсова Н.В. Принцип добросовестности в российском гражданском праве: понятие и сущность // *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 56-9. С. 77.

⁸ Латинско-русский словарь к источникам римского права / Дыдынский Ф. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1896. С. 181-182.

⁹ История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 187.

¹⁰ Дождев, Д. В. Указ. соч. С. 26-27.

Для того, чтобы установить характер внешнего оформления и закрепления *fides*, необходимо прояснить некоторые особенности развития права в данный период времени. Коллективность и замкнутость римского общества на в указанное время обусловили чисто-национальный характер права. Уже на первом этапе своего развития оно получило название права гражданского или права квиритов¹¹. Уважение к традициям предков и неразвитость римского общества стали причинами выделения обычая, а именно, *mores majorum* (обычаев предков), в качестве основного регулятора общественных отношений¹². Нет оснований сомневаться в том, что и *fides*, как особая форма традиционного поведения, было закреплено в форме обычая.

Помимо этого, обычаи предков были тесно связаны с отправлением религиозного культа. Сам по себе религиозный элемент в этот период играл существенную роль в регуляции общественных отношений. В научной литературе отмечается, что римляне довольно рано начали разделять светское право – *jus*, и право религиозное – *fas*, однако область применения *fas* на первых порах была чрезвычайно широка. Неудивительно, что *fides*, оформившееся в качестве обычая, гарантировалось совершением религиозных действий, отправлением магических таинств¹³. Однако возникает резонный вопрос, опирались ли обычные жители Рима при совершении сделок на *fides*, по природе своей неизбежно тяготевшим к *fas*, или же руководствовались светским и формальным *jus*.

Как было отмечено выше, религиозная составляющая права (*fas*) играла определяющую роль в праве данного периода. Это влияние прослеживалось не только в том, что государственным учреждениям Рима покровительствовали боги, а многие посягательства на публичные, государственные институты носили характер сакрального преступления, но и в том, что акты гражданского права совершались с опорой на религию¹⁴. Светское же *jus* развивалось как строго формализованное право, изобилующее сложностью своих формальных конструкций. В обыденной жизни, люди старались избегать излишних сложностей и в меньшей степени тяготели к предписаниям *jus*¹⁵. Следует помнить, что римская община этого периода была относительно малочисленна. Лица, совершавшие сделки, в подавляющем большинстве случаев были знакомы и помнили о своем общем происхождении. Поэтому им было свойственно основывать свои

¹¹ История римского права / Хвостов В.М., пособие к лекциям проф. Моск. ун-та. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. С.65.

¹² Покровский И.А. История римского права. СПб: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. С. 34.

¹³ Дождев Д.В. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 66.

¹⁵ Там же.С. 69.

волеизъявления на общем доверии, действовать в традиции своих предков, мысля всю общину в качестве семьи. Необходимо также отметить, что римляне, опираясь в своих отношениях на *fides* (при всем традиционно-этическом наполнении этой категории), делали это не в виду высокого уровня этического и нравственного развития, а сугубо из-за сложившегося практического и строго утилитарного характера их мировоззрения. На этом историческом этапе явно пролеживается функция *fides* как более удобной альтернативы регулирования гражданских правоотношений. Доказательством этому может служить отсутствие большого количества совершившихся формальных сделок и гражданских тяжб (отказываясь от формального права как регулятора отношений, граждане теряли и право на судебную защиту)¹⁶.

Примечательно, что обращение к *fides* фигурирует не только в классических гражданско-правовых вопросах. На ней (в понимании взаимной верности) строились отношения патронов и клиентов¹⁷. Пропитаны идеями *fides* и внутрисемейные отношения (взаимная обязанность родителей и детей добропорядочно обращаться друг с другом)¹⁸. Категория *fides* пронизывает все право того периода, на ее основе формируется понимание права и, по справедливому замечанию М. Бартошека, именно она станет одним из основных творческих элементов римского правового мышления¹⁹.

Таким образом, *fides* по своему содержанию не являлось строго юридической категорией. Оно развивалось параллельно формальному писаному праву и регулировало общественные отношения в качестве элемента, встроенного в обычай предков. Его же сущностное содержание сводилось к верности союзу родов Рима, а добропорядочное поведение (поведение в соответствии с *fides*) было ни чем иным как поведением, сообразующееся с традициями предков и обеспечивающее благоденствие всего римского общежития.

Следующий этап в развитии понимания добросовестности – предклассический и классический периоды (367 г. до н.э. – 305 г. н.э.) – связан с развитием права народов (*ius gentium*). Его начало характеризовалось бурным развитием римской торговли²⁰. В столицу республики нахлынуло колоссальное число иностранных купцов. Оживление коммерческого оборота стало вызовом для формализованного и тяжеловесного квинитского права: нередко заключались сделки с отсутствующими лицами, а также с неримлянами (пегринами), которые зачастую едва ли владели латынью²¹.

¹⁶ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 69-70.

¹⁷ История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 188.

¹⁸ Моммзен Т. История Рима. До битвы при Пидне. Т. 1. СПб.: Наука, 1994. С. 152-153.

¹⁹ Бартошек М. Римское право: понятие, термины, определения. М.: Наука, 1989. С. 131-132.

²⁰ История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 460.

²¹ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 201.

Параллельно с этим изменился и фокус римского правопонимания. На этом этапе большое распространение получили идеи стоиков, а также концепт естественного права, зародился принцип *natura rerum*, сущность которого заключается в необходимости анализировать природу правового явления и оформлении (облачении в правовую форму) только тех черт отношений, которые соответствуют природе этого правового явления²².

Эти процессы оголили недостатки старой правовой системы, основанной на формальной силе слова. Теперь же главное значение придавалось не внешней стороне (форме) какого-либо юридически значимого действия, а его внутренней стороне – содержанию, воле сторон и т.д. Содержание, в случае наличия сомнения, больше не устанавливалось по формуле «*quod dictum est*» (буквальный смысл слов). На смену ей пришла «*quod actum est*» (исходить из намерения сторон)²³. Инструментом оценки таких намерений стал принцип «*ex fide bona*», т.е. сообразно тому, какое поведение считал бы для себя добросовестным человек при исполнении и заключении подобного рода сделки²⁴. Таким образом, прослеживается формирование нового юридического понятия *bona fides* (добросовестность). Однако для того, чтобы установить, что же понимается под добросовестным поведением в этот период развития римской юридической мысли, необходимо обратиться к размышлениям о добросовестности, изложенными современниками.

Значимую роль в оформлении правовой категории *bona fides* сыграли римские юристы. Классическим определением добросовестности считается высказывание Павла: «*fides bona contraria est fraudi et dolo*» (добросовестность противоположна обману и умыслу)²⁵. На наш взгляд, данное определение сформулировано довольно широко и не является достаточным для установления сущности категории добросовестности и добросовестного поведения. Однако идея определять добросовестность через противоположность обману и злему умыслу была распространена в классической римской юридической мысли. К примеру, Прокул, живший раньше Павла, утверждал, чтобы действовать добросовестно (*bonam fidem*), необходимо отсутствие в действиях злого умысла и небрежности²⁶.

Некоторые исследователи отмечают, что римлянам также было свойственно и узкое понимание добросовестности, меняющееся в

²² Боголепов Н.П. Значение общенародного гражданского права (*jus gentium*) в римской классической юриспруденции. М.: Тип. Грачева и К^о, 1876. IV. С. 46, 241; Хвостов В.М. Указ. соч. С. 201, 202.

²³ Digesta Iustiniani. 50.17.34; 50.16.219. [Электронный ресурс]: URL:<https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/digest.htm>. (дата обращения – 01.11.2023).

²⁴ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 202.

²⁵ Digesta Iustiniani. 17.2.3 § 3

²⁶ Ibid. 18.1.68.

зависимости от характера регулируемых отношений (к примеру, позиция о том, что узкое понимание наиболее присуще договорным отношениям). В подтверждение своей точки зрения сторонниками такого подхода приводится положение из Модестина, который определял добросовестного покупателя (*bonae fidei emptor*) как того, «кто не знал, что данная вещь – чужая, или считал, что тот, кто продал ему (вещь), имеет право продажи...»²⁷. Римские юристы, исходя из широкого базового понимания добросовестного, которое пронизывало все институты частного права, применяли *bona fides* в отдельных отношениях и, тем самым, преломляли добросовестность в конкретных частно-правовых категориях.

Примечательно, что категория *bona fides* близка, но не сводится к содержанию понятия добрых нравов и обычаев. Согласно Ульпиану: «то, что соответствует нравам и обычаям (*moris et consuetudinis*), должно иметь место в исках доброй совести»²⁸. Папиниан также замечает связь добросовестности и добрых нравов: «Принято считать, что иски доброй совести не допускают предоставление, которое заявлено в нарушение добрых нравов (*contra bonos mores desideretur*)»²⁹.

Итак, под добросовестным поведением (поведением в соответствии с *bona fides*) понимается поведение в согласии с добрыми нравами (*bonos mores*) и обычаями (*consuetudinis*). Такое же содержание, как было установлено выше, присуще и более раннему *fides*. Это говорит об онтологической связи категорий *bona fides* и *fides*. Последняя, безусловно, являлась прародительницей первой. Между тем, может сложиться впечатление, что *fides*, трансформировавшись в *bona fides*, изжила себя и перестала существовать. Однако это утверждение ошибочно. Дело в том, что, обращаясь к классическим текстам этого периода, можно проследить, как их авторы оперировали категорией *fides*. К примеру, Авл Геллий, размышляя об устройении отношений в семье, писал: «по обычаям римского народа было принято и широко известно, что после родителей в первую очередь следует заботиться о детях, вверенных в нашу *fides* и опеку; после них ближайшее место занимают клиенты, что поступили к нам в *fides* и под наше покровительство; затем на третьем месте — лица, связанные гостеприимством; затем — родственники и свойственники»³⁰. *Fides* использовалась автором как раз в том самом, свойственном пониманию архаичного периода, смысле – как идеи связи, осознания общности и

²⁷ Савельев, В. А. Справедливость (*aequitas*) и добросовестность (*bona fides*) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С. 68.; D. 50.16.109.

²⁸ *Digesta Iustiniani*. 21.1.31.20.

²⁹ *Ibid.* 22.1.5.

³⁰ Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве / Ин-т государства и права РАН. — М., 1996. — С. 48.

семейности. Марк Туллий Цицерон довольно часто опирался как на *fides*, так и на *bona fides*. В своих судебных речах, обращаясь к судьям, он нередко взывал к их *fides* как к осознанию себя в качестве части римского народа и необходимости вести свои дела с честью, присущей римлянами прошлого и современности³¹. Свою обязанность выступать в суде в защиту своих сограждан Цицерон обосновывал также, апеллируя к *fides* как к чувству своего долга перед римской общиной³². Трудам его также не чужда проблема определения сущности *bona fides*. Цицерон соглашается, что действовать добросовестно – это действовать так, как принято среди честных людей, т.е. поступать честно и без обмана (*ut inter bonos bene agier oportet et sine fraudatione*)³³. Однако для установления смысла понятий «честные люди», «поступать без обмана», «*bona fides*» Цицерон цитировал слова верховного понтифика Квинта Сцеволы: «наибольшей силой обладают все те решения арбитражного суда, в которых используется *ex fide bona*». Цицерон утверждал: «Он (Квинт Сцевола) считал, что выражение *fideique bonae* находят широчайшее распространение и встречаются в договорах об опеке, об обществах, о фидуциарном обязательстве, о поручении, о покупке, о продаже, о найме, о подряде — обо всем том, на чем держится жизнь человеческого общества».³⁴

Изложенное выше является свидетельством одновременного существования категорий *fides* и *bona fides*. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что существуют эти категории в несводимых друг к другу, параллельных плоскостях: *fides* в традиционно-этической, а *bona fides* в юридической (хотя, будучи продолжением *fides*, категория *bona fides* отчасти содержит в себе и этический конструкт). Этим юридическим дополнением в содержании *bona fides*, и отличающим данную категорию от *fides*, становилась заложенная в эту конструкцию цель – интерпретировать содержание юридических (юридически значимых) категорий. Ранее уже говорилось об этом в рамках рассуждения, что *bona fides* использовалась в качестве инструмента оценки воли сторон, заключающих сделку. Кроме того, уже римский юрист Сабин, живший в период заката Республики и зарождения Римской империи, в своей работе «Три книги гражданского права» выводил идею *bona fides* на ключевую позицию в трактовке (интерпретации) обязательств³⁵. Таким образом, именно в классический

³¹М. Tvllii Ciceronis pro Sex. Roscio Amerino oratio, (IV, 10). [Электронный ресурс]. URL: www.thelatinlibrary.com%2Fcicero%2Fsex.rosco.shtml (дата обращения – 03.10.2023).

³²М. Tvllii Ciceronis In C. Verrem oratio actio prima (IX, 24). [Электронный ресурс]. URL: www.thelatinlibrary.com%2Fcicero%2Fver1.shtml (дата обращения – 10.10.2023).

³³М. Tvllii Ciceronis de Officiis (III, 70). [Электронный ресурс]. URL: www.thelatinlibrary.com%2Fcicero%2Foff3.shtml (дата обращения – 23.10.2023).

³⁴Ibid.

³⁵Дождев Д. В. Римское частное право. С. 56.

период и сложилась идея *bona fides* как самостоятельного правового принципа, сущность которого сводится к необходимости сообразования юридических действий с обычаями и добрыми нравами римского общества.

Итак, принцип добросовестности становится в классический период одной из основ частного права. Вопрос состоит в том, сможет ли *bona fides*, как в большей степени юридическая, но все-таки связанная с нравственными воззрениями категория, существовать в отрыве от римского правопонимания и морально-этических установок римлян. История знает ответ на этот вопрос.

В 476 г. пала Западная Римская империя. Наследником правовой культуры Рима стал Константинополь. Здесь, на Востоке, произошло возрождение классического римского права в период кодификационной деятельности Юстиниана и его сподвижников (527 – 565 гг.). Безусловно, римское право находило свое отражение в умах византийцев. Еще сильны были правовые и политические традиции Рима³⁶, а юридическая мысль классических римских юристов известна образованным жителям Восточной Римской империи³⁷. Недаром теоретическую основу для кодификации Юстиниана составили положения римского права классического периода. Соответственно, идея *bona fides* также нашла свое отражение в законодательстве Юстиниана. Анализ положений этого законодательства позволяет сделать вывод о том, что категория добросовестности в период кодификации не утратила своего юридического содержания, заложенного в нее в период классический. Это и неудивительно, так как те положения, которые были проанализированы ранее, дошли до нас как составляющие части Дигест, т.е. одного из продуктов кодификационной деятельности Юстиниана. Положения, заключенные в Кодекс и в Новеллы Юстиниана, которые в своем правопонимании могли бы отличаться (и в ряде случаев отличаются) от понимания, сложившегося в классическом римском праве, не содержали нового взгляда на сущность категории *bona fides*. Юстиниан лишь распространил действие принципа добросовестности на ряд отношений, ранее не связанных с этим принципом. К примеру, объединяя старую категорию *usu capio* (приобретательная давность) с *longi temporis praescriptio* (незапамятная давность), сложившуюся для провинциальных земель, в единый институт приобретения права собственности по давности владения, устанавливал в качестве основного условия для возникновения права собственности добросовестность владения³⁸. Еще одним примером может послужить распространение Юстинианом способа защиты права

³⁶ История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. С. 90.

³⁷ Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. С. 117.

³⁸ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 404.

собственности *rei vindicatio* и на собственника по давности владения, при условии его добросовестности³⁹.

Несмотря на это, прослеживается сильнейшее влияние именно эллинистических идей и традиций⁴⁰. Оно естественным образом распространяется и на право. Кроме того, в VI веке Византия была уже глубоко христианизирована, а влияние церкви на общество и государство весьма существенно⁴¹. Поэтому самонадеянно было бы утверждать, что морально-этический камертон византийцев был настроен в унисон римскому. Таким образом, возникает сомнение в том, что византийцы использовали *fides* и *bona fides* (категории с этическим наполнением) так же, как их использовали римляне. Основу этического мировоззрения жителей Восточной Римской империи составляло христианское вероучение, а не языческие этические конструкты римлян, ставившие в зависимость моральную оценку поведения от его соответствия традициям, обычаям предков. Так, Августин в своем труде «Исповедь» прямо заявлял о том, что христианам нужно отказаться от порочных обычаев языческих предков⁴². Говорил он о том, что языческие представления о доброте, честности и добропорядочности зачастую греховны по своей природе и ведут к грехопадению, и, наоборот, то, что в языческом представлении составляет проступок или даже преступление, может и не быть греховным⁴³. Отсюда деление добродетелей на истинную – христианскую, и внешнюю – языческую⁴⁴. Таким образом, *fides* как традиционно-этическая идея римских язычников оказалась за пределами правопонимания византийцев, юридическая же категория *bona fides*, под влиянием классической римской правовой культуры, сохранилась в период кодификации, но сущностно отошла от римского понимания добросовестности. Добросовестное поведение теперь воспринималось как соотносящееся с предписаниями христианского вероучения. Августин завещал судить о нравственности «не по обычаю, а по справедливейшему закону всемогущего Бога, определившему для отдельных стран и времен нравы и обычаи, соответствующие этим временам и странам»⁴⁵. Идея оценивать поведение людей (в том числе и добросовестность поведения) по его соответствию поведению предков Блаженным Августином порицалась, так как «люди, при своей

³⁹ Codex Iustinianus. 7.39.8. [Электронный ресурс]. URL:

<https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/codjust.htm>. (дата обращения - 10.11.2023).

⁴⁰ Mitteis L. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs, mit Beiträgen zur Kenntniss des griechischen Rechts und der spätrömischen Rechtsentwicklung. Leipzig, Teubner, 1891. S. 8-9.

⁴¹ История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. С. 97.

⁴² Блаженный Августин. Исповедь. Кн. I, XVI, 25; Кн. VI, II, 2. [Электронный ресурс]:

⁴³ Там же, Кн. III, IX, 17.

⁴⁴ Там же, Кн. VI, VII, 12.

⁴⁵ Блаженный Августин. Исповедь. Кн. III, VII, 13.

кратковременной земной жизни, не в состоянии согласовать условий жизни прежних веков и других народов, условий им неизвестных, с тем, что им известно»⁴⁶. Такая же тенденция прослеживается и на территориях бывшей Западной Римской империи, которая была захвачена кельтскими и германскими племенами. Варвары, сначала пытавшиеся адаптировать римскую правовую культуру,⁴⁷ в дальнейшем отказались использовать ее в качестве примера для подражания, а сохранившиеся римские правовые категории постепенно стали наполняться христианскими смыслами⁴⁸.

Таким образом, категория добросовестности эволюционировала на протяжении всего существования римского права. Зародившись в качестве традиционно-этической идеи *fides*, с развитием правовой мысли, она преобразовалась в юридический принцип *bona fides*. Идея этого принципа (добросовестно то, что принято в качестве такового (честного, добропорядочного) в обществе), и его цель (интерпретация юридически значимых действий, установление и оценка какого-либо внутреннего элемента (например, воли сторон)), остались неизменны. Изменилось этическое наполнение категории добросовестности. Добропорядочность рядового участника правоотношений, которая традиционно берется за мерилу добросовестности, оценивалась с учетом господствующей нравственно-этической модели конкретного общества на данном историческом периоде его развития. Именно поэтому целесообразно говорить об обращении к римской формуле добросовестного поведения. Первоначальный же ген *bona fides* погиб вместе с римской этической моделью. Российская доктрина права впитала в себя традиционное, римское понимание, осмысление и определение добросовестности через анализ поведения разумного, честного участника оборота (т.н. добросовестность в объективном смысле)⁴⁹. что вполне естественно. Однако для определения сущности добросовестности, критериев добросовестного поведения исследователи современного права должны направить свой взор не на Рим, а на представления современного российского общества о добропорядочном, честном и справедливом.

Список литературы

1. Codex Iustinianus. [Электронный ресурс]: URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/codjust.htm>.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Памятниками осмысления варварскими племенами римского права становятся т.н. римские правды варваров. Например, *Leges Visigothorum* (в русской традиции – Бrevиарий короля Алариха); *Leges Burgundionum* и др.

⁴⁸ Аннерс Э. Указ. соч. С. 126-127.

⁴⁹ См., например, Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 1.

2. Digesta Iustiniani. [Электронный ресурс]: URL:<https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/digest.htm>.
3. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
4. Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.)/Ин-т Европы. — М.: Наука, 1994. 397 с.
5. Бартошек М. Римское право: (Понятие, термины, определения): пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
6. Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учебник для вузов. Одесса-Москва :ТрансЛит., 2008. 504 с.
7. Блаженный Августин. Исповедь. [Электронный ресурс]: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/ispoved/
8. Боголепов Н.П. Значение общенародного гражданского права (jus gentium) в римской классической юриспруденции / [Соч.] Н. Боголепова. - Москва : Тип. Грачева и К°, 1876. -IV.—253 с.
9. Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве/ Ин-т государства и права РАН. М.: Наука, 1996. 238 с.
10. Дождев, Д. В. Римское частное право: учебник / Д.В. Дождев ; под общ.ред. В.С. Нерсесянца. Москва : Норма : ИНФРАМ, 2023. 784 с.
11. Дыдинский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права / Ф. Дыдынский. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1896. 474 с.
12. Зульфалиева В.Г., Фирсова Н.В. Принцип добросовестности в российском гражданском праве: понятие и сущность // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 56-9. С.76-79.
13. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М.; Наука, 1988. 704 с.
14. История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с.
15. История римского права / Хвостов В.М., пособие к лекциям проф. Моск. ун-та. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. 478 с.
16. Карлявин И.Ю.Методологическое значение категорий fides (совесть) и bonafides (добрая совесть) в римском частном праве //Lex Russica. 2015. № 1. С.130-140.
17. Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения / М.Н. Марченко. — М.: ООО «Городец-издат», 2002. 1068 с.
18. Моммзен Т. История Рима. До битвы при Пидне. Т. 1. СПб.: Издательская фирма «Наука», 1994. 733 с.
19. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 1. С.124-181.

20. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 533 с.
21. Савельев В.А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С.63-72.
22. Цакоева М.А. Эволюция принципа добросовестности в обязательственном праве // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (186). С.118-121.
23. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Т. I. Основы. М.: Междунар. отношения, 2000. 480 с.
24. M. Tvllii Ciceronis de Officiis. URL: www.thelatinlibrary.com%2Fcicero%2Fsex.ros.html
25. M. Tvllii Ciceronis In C. Verremoratio actio prima. URL: www.thelatinlibrary.com%2Fcicero%2Fver1.shtml
26. M. Tvllii Ciceronis pro Sex. Roscio Amerino oratio. URL: www.thelatinlibrary.com%2Fcicero%2Foff3.shtml
27. Mitteis L. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs, mit Beiträgen zur Kenntniss des griechischen Rechts und der spätrömischen Rechtsentwicklung. Leipzig, Teubner, 1891. 560 s.